

Ксюхе,

которая может станцевать мне
ирландский танец под окнами
больницы

Юльке,

которая знает, что все главные
разговоры случаются в пять утра

С вами обеими я могу разделить
и горе и радость

Карманы, полные шишек

1

...В карманах у Зои всегда полно шишек и ракушек. Так, наверное, и должно быть у девочки, живущей в сосновой роще у моря.

Зоя не моя внучка, она внучка моей жены Тани. Мы познакомились с Таней на занятиях по скандинавской ходьбе еще там — в городе, где зимы длятся по полгода и где я прожил всю жизнь. Таня уходила с тренировок чуть раньше, пройдя четыре круга по парку вместо положенных пяти. Она торопилась за внучкой в детский сад. Танина дочь, Зоина мама, умерла от лейкемии. Зое тогда было три года.

Теперь мы живем у моря.

Гуляем в сосновой роще.
Набиваем карманы сосновыми шишками.
А иногда кипарисовыми.
Иногда грецкими орехами.
Или ракушками.

Мы бродим по пляжу, пустому в октябре,
собираем птичьи перья, стекла, обкатанные
морем, и камешки.

У меня нет своих детей. Как-то не сложи-
лось. Я не умею рассказывать сказки. Не знаю
детских стихов и песен. Не пеку оладьи.

Всё это делает Таня.

— Ты знал, что по скандинавской ходьбе
проводят марафоны? — вдруг спрашивает
меня Зоя.

— Нет...

— Представь себе! Куча народу в них уча-
ствует. Не только... хмг... пожилые.

Зое одиннадцать. Мы ей кажемся, наверное,
ужасно старыми.

Я вдруг вспомнил, как Таня радовалась,
когда мы первый раз приехали сюда. Этот
дом у меня давно: я получил его в наследство
от дядьки лет двадцать назад. И почти два-

дцать лет я тут не был. Сдавал через агентство. А когда мы с Таней стали жить вместе, я рассказал ей о нем и она проговорила задумчиво:

— Наверное, это красиво — стареть, глядя на море. И Зойке был бы полезен морской воздух.

Так мы переехали сюда. Ходить с палками по берегу моря и впрямь гораздо приятнее, чем по скучному парку.

Теперь у меня старость с видом на море.

И Зоя.

Она набивает карманы шишками и морскими камешками. Дома она выгребаёт их из карманов, расставляет на подоконниках по росту. У нее есть шишечный, ракушечный и палочный подоконники. Стеклышки она складывает в стакан, а камешки — в коробку из-под Таниных туфель.

— Расскажи что-нибудь, — просит она перед сном.

— Может, лучше почитаем?

— Нет, лучше расскажи.

Я не знаю, что рассказывать. В моей жизни ничего интересного не происходило, и я просто пересказываю всякие приключенческие книжки. Она слушает, раскрыв рот. Иногда спрашивает:

— Ты сам это видел?

Но одну правдивую историю я всё-таки ей рассказал. Историю про дом, в котором мы живем. История и правда необычная. Дом построила моя двоюродная бабушка, тетя Галя. Потому что ее сына Генку, моего дядьку, посадили. Ему было пятнадцать лет. Какие-то мужики попросили его «постоять на шухере», пока они воруют сметану на молокозаводе. Пообещали дать стакан сметаны. Время было послевоенное — стакан сметаны считался огромным богатством! Их поймали. И всем вlepили большой срок, потому что после войны за кражу государственного имущества очень сурово наказывали. Генке дали пятнадцать лет. Я помню, как плакала моя мама, когда получила от тети Гали письмо:

— Стакан сметаны! Стакан сметаны! — причитала она, раскачиваясь на стуле.

Тетя Галя воспитывала Генку одна: его отец погиб на войне. Я до сих пор думаю: пятнадцать лет — как же это бесконечно много, когда у тебя никого больше нет. стакан сметаны — и пятнадцать лет в тюрьме. Вся жизнь под откос. Наверное, это такое отчаяние, такая беспросветная мука, что только так и можно было справиться — начать строить хороший каменный дом для сына, который в тюрьме.

Генку тетя Галя не дождалась. Умерла за два года до его освобождения. Когда мы приехали на похороны, дом уже стоял и вокруг него был заложен сад. Генка вернулся и прожил здесь всю жизнь один, так и не женившись. Не знаю, почему он оставил дом мне. Может, просто у него никого больше не было.

После этой истории Зоя попросила у меня стакан сметаны. Съела ее с сахаром.

Вечерами, когда Зоя засыпает, я сажусь у окна, пью чай, смотрю на звезды и на море, разглядываю ряды Зоиных шишек. Вдруг вспомнил, что она обляпалась мороженым и надо постирать кофту. Прежде чем

отправить Зоину одежду в машинку, приходится хорошенько ее вытряхивать. В карманах всегда много мелких камешков, песка и семян. Шишки согреваются от тепла Зоинных рук, раскрываются в карманах, и семена выпадают. Я долго разглядывал мелкие темно-коричневые зернышки. Жалко их выкидывать: всё-таки будущие деревья, целая жизнь. Я закопал семена в большой горшок с Таниной толстянкой, которую она привезла сюда. Почему-то ей дорог этот цветок. Может, его подарила дочка, Зоина мама? Я никогда не спрашивал. Вылил в горшок стакан воды. Наверное, надо толстянку поливать хоть изредка...

Две недели назад Таня возилась с розами в саду и вдруг упала. Нам повезло. Таня может часами заниматься розами, я — читать, а Зоя — рисовать одежду своим бумажным куклам. Но тут у Зои сломался карандаш. А остро, очень остро точить карандаши умеет только Таня. И Зоя выбежала в сад. И увидела, как Таня падает и что-то мычит.

Нам повезло. Я был дома. Читал «Доктора Живаго» и сразу вышел на Зоин крик. Она часто кричит и визжит. От радости, от страха, от боли. Я привык не реагировать. Она эмоциональный ребенок. Таня всё время ей говорит:

— Тише, Заинька, тише.

Но этот крик... он был таким, что я тут же вскочил.

Нам повезло. Скорая приехала быстро. Прямо вот за семь минут. Я смотрел на часы. При инсульте время решает всё. Мне теперь постоянно все говорят это: соседи, врачи, Танины подруги, которые звонят почти каждый день.

Нам не разрешили поехать на скорой. Мы остались с Зоей вдвоем.

Удивительно, как пустеет пространство, когда из него уходит дорогой тебе человек. Еще лежали на земле свежими заплатками осыпавшиеся лепестки роз. Выкипал чайник, который я поставил как раз перед тем, как Зоя поднялась со своего места, чтобы выйти в сад. Рассыпанные карандаши, недорисованное платье, брошенный Пастернак.

Я поехал в больницу через полчаса. Взял Зою с собой, потому что не знал, можно ли оставить ее дома одну. Мы ехали на велосипедах по обочине дороги, и я ругал себя, что взял ее. Надо было оставить у соседей или еще что-нибудь придумать. Никто ведь не знает, что нас там ждет.

Как я с этим справлюсь?

В коме человек не бывает красивым. Изо рта и ноздрей у Тани торчали какие-то трубки, руки были привязаны к кровати.

— Зачем? — спросил я.

Мне ответили, что руки дергаются, падают, пациент беспокоится.

«Пациент беспокоится...»

Она лежала с закрытыми глазами, она не могла дышать сама. Я не понимал, слышит ли она меня, чувствует ли, что я рядом.

Зою к Тане не пустили. Оказывается, детей до четырнадцати лет не пускают в реанимацию. Я начал настаивать и спорить, потому что у Зои сразу хлынули слезы. Но врач отвел меня в сторону и сказал:

— Вы уверены, что хотите этого? Зрелище не для детей, поверьте. И знаете... если чуда не случится, то пусть девочка лучше запомнит ее здоровой. Правда.

Я вдруг подумал: а где Зоин отец? Кто он? Я никогда не спрашивал о нем.

Вернувшись домой, полез в коробку, где Таня хранила всякие документы, нашел Зоино свидетельство о рождении. В графе «отец» — прочерк. Так я и думал.

А Зоя бродила по сосновой роще, собирала шишки.

— Давай сварим суп, — предложила она на пятый день. — Я знаю, что нужна картошка, капуста и какое-нибудь мясо.

Я пошел в магазин за курицей. Я умею варить и щи, и борщ, и даже рассольник. Я долго жил один. Я просто не подумал, что ребенок должен питаться разнообразно, а не только жареной картошкой.

Зоя упорно ездит в больницу со мной. Сидит в коридоре, ждет, пока я схожу к Тане. Сидит и ждет там, пока я рядом с Таней — перебираю ее тонкие пальцы и твержу:

— Вернись, вернись, я не знаю, как мне жить без тебя, я никогда еще не был так одинок и растерян.

Иногда Таня поднимает брови, будто удивляется, или сжимает мою руку. Но врач уже объяснил мне: нельзя уверенно сказать, осознанно это или рефлекторная реакция мышц.

— Правильно, что вы с ней говорите, — кивает мне медсестра. — Надежды почти нет, но чудеса случаются.

На наших подоконниках растут ряды шишек, ракушек и палочек.

Две недели — это очень долго. Это ужасно, катастрофически долго, если два раза в день ты едешь в больницу разговаривать со своей женой, лежащей в коме. И это в два раза дольше, когда маленькая девочка сидит и ждет в коридоре и вскидывает на тебя глаза, когда ты выходишь. Я не скрываю от нее, что состояние по-прежнему «стабильно тяжелое» и надежды почти нет. Какой смысл врать? И правильно ли это?

Меня удивляет, что Зоя не плачет. Ни в больнице, ни дома. Может, она не понимает, насколько всё серьезно? Чуть ли не первый раз в жизни я пожалел, что моя первая жена, с которой мы расписались очень молодыми и развелись очень быстро, не родила ребенка. Был бы у меня сейчас взрослый сын, он мог бы сказать:

— Не переживай, отец, она выкарабкается. Всё будет хорошо — заживете как раньше.

А была бы у меня взрослая дочь — объяснила бы, что чувствует в такой ситуации одиннадцатилетняя девочка.

Утром Зоя вскрикнула:

— Смотри! В бабушкином цветке кто-то проклюнулся! На сорняк, вообще-то, не похоже...

Зоя зовет меня на «ты», но по имени-отчеству. Так звала меня Таня, когда мы только познакомились, — так стала звать и Зоя, так и осталось до сих пор. Хотя мы живем вместе уже пять лет и для Тани у нее куча имен и прозвищ: бабушка, бабуся, бабуля, бамбусик, буся, батаня...

Я взял очки. Точно, проклюнулись. Вспомнил, что сам бросил в горшок семена, которые вытряхнул из кармана Зоиной кофты.

— Что это, а?

— Сосны твои... нашел в кармане у тебя семена, вот и бросил сюда.

— Бабушка нас убьет!

А вечером позвонил врач. Я уходил за молоком, а когда пришел, с порога услышал, как Зоя говорит по телефону:

— А еще дедушка бросил в твою толстянку семена сосен, и они, представь себе, проросли!

Я тихонько поставил банку с молоком на пол в коридоре. Встал у стены. Утром я был у Тани и она показалась мне совсем... совсем... Я решил, что нет надежды даже на чудо. А тут вдруг «сосны в твоей толстянке».

— Целую тебя, бамбусик мой! Да-да, конечно, я скажу и он сразу тебе позвонит!

Я шагнул в комнату.

— Ой, ты пришел! Прости, телефон звонил, там было написано «Танин врач», и я подумала...

Она прижалась к моему плечу и расплакалась.

Тане и врачу я перезвонил позже. После теплого молока с медом. Уткнув разбухший от слез нос в кружку, Зоя рассказывала мне, как взяла трубку, а врач, узнав, что я забыл мобильник дома, передал телефон Тане. И говорит она очень тихо и не очень понятно, но всё помнит, даже как упала.

— Я думаю, вам надо принять участие. Ну в том марафоне по скандинавской ходьбе, — сказала Зоя, допивая молоко. — А сосны мы пересадим в другой горшок. И совсем она не рассердилась! А ты боялся! Сказала, что сосны — это к счастью.

2

Как это всё-таки странно — у меня теперь есть сестра. Не было и вдруг есть. Ее зовут Зоя, у нее темные волосы, гладкие и блестящие, совсем не такие, как мои, она заплетает их двумя «дракончиками». У нее светлые глаза, какие-то серые или, может, зеленые, я точно не знаю. А у меня карие.

Зоя любит полосатые носки. Это, конечно, вообще неважно — я не знаю, зачем об этом говорю. Просто однажды я заметила, что у нее все носки полосатые, других нет. А вся одежда — с карманами. Карманы ей нужны, чтобы складывать шишки, палочки и камешки — всякую дребедень, которую она находит по дороге к папиной работе.

Зоя ходит туда каждый день, прямо с утра. Ведь сейчас лето, как раз сезон — с мая по октябрь. А в другое время у папы и работа другая.

В сезон у него — веревочный парк. Что-то вроде аттракциона. На разной высоте натянуты веревки — это маршруты со всякими препятствиями, которые нужно преодолевать. Тебе надевают обвязку, дают карабины и ролик. Это весело и немножко страшно, но всем нравится, и у папы много клиентов. Я тоже часто хожу туда — помогать и просто так. Мне нравится смотреть на людей. Они все разные. Кто-то смелый, кто-то не очень. Кто-то красивый, кто-то смешной. Зоя вот, например, очень ловкая. Она с первого раза прошла все

трассы, даже самые сложные. Папа сказал, что у нее талант.

А еще у Зои есть дедушка. Это из-за него она теперь с нами. Только он не настоящий ее дедушка, не родной. Он — муж ее бабушки, которая умерла. Зою он не смог сдать в детский дом, поэтому разыскал папу. Ему самому не решили стать опекуном: он ведь Зое не родственник. И к тому же уже старенький. А мой папа — родственник.

Ближайший.

Ее отец.

Я слышала, как родители обсуждали на кухне.

— И как только он тебя откопал? — сказала мама.

— Я, вообще-то, не скрывался.

— Но вы не были женаты!

— Не были. Но Татьяна Васильевна меня знала.

Мама долго молчала, потом спросила:

— Ты знал про нее? Ты знал про Зою?

— Да.

И они опять надолго замолчали. Я замерла у кухонной двери. Боялась, что мама

скажет, как сильно папу презирает. Потому что получается ведь — он бросил Зоину маму и саму Зою. Может, даже никогда ее и не видел! Он ведь ни разу нам не говорил про нее. Конечно, не видел... Трудно увидеть Зою и бросить. Ну правда. Я вот сразу ее полюбила. Хоть она меня и не замечает. Конечно, я же младше на два года. И вообще невзрачная: я слышала, так Инга, это мамина сестра, бабушке про меня сказала.

— Я не готов был. Не готов к ребенку и вообще семью заводить. Да и она... мне показалось, что она тоже не готова, — снова заговорил папа.

— Показалось?

— Она решила, что не будет рожать, раз так. Раз я не хочу. Но и встречаться нам вроде как смысла больше нет. Этот «смысл» меня добил просто. Я еще что-то пытался объяснить ей, но она избегала встреч, а потом и вовсе уехала к маме. Мне ее подруга сказала. И я больше ее никогда не видел. А потом через общих знакомых узнал, что она всё же

родила. Но ты уже ждала Майку, и я... я сделал свой выбор.

Вот так.

Из нас двоих папа выбрал меня. Наверное, это потому, что он Зою не видел никогда. Но всё-таки на секундочку мне стало приятно. А потом стыдно. Получается, я виновата, что Зоя росла без отца. Мне было интересно узнать, что по этому поводу думает мама, но она молчала. А потом позвонила Инга — пришлось взять трубку и я прослушала, о чем родители дальше говорили.

Инга — моя тетя, но старше меня всего на девять лет, и я зову ее просто по имени. Мы с ней сами как сестры, только она всегда меня жизни учит. Я не говорю, что это плохо, но иногда надоедает. И я не всегда с Ингой согласна, но возражать боюсь.

Инге не понравилось, что Зоя будет жить с нами. Даже когда мама объяснила, что у нее никого нет, только неродной дедушка и мы: родной папа, полуродная сестра и совсем чужая мама. К нам приходила психолог из соцслужбы или органов опеки — я не очень

поняла, — разговаривала с мамой, и папой, и со мной. Мне она сказала, что Зое очень трудно пришлось в жизни, что ее мама умерла от тяжелой болезни, когда Зоя была совсем маленькая, а теперь вот умерла и бабушка, которая воспитывала Зою, заменила ей маму. Получается, Зоя дважды потеряла маму. Жуть. Я бы не выдержала. Но Зоя сильная, сказала психолог, просто ей надо помочь: с ней надо дружить.

Я хочу дружить с Зоей.

Все думают, что я не хочу, что она мне не нравится и что я должна сердиться на нее за «вторжение в нашу жизнь». Но всё наоборот: я ОЧЕНЬ хочу с ней дружить! Но не знаю как. Мне всего двенадцать. А Зое — почти пятнадцать, у нее даже паспорт есть!

Папа уделяет Зое много времени. Учит ее лазить с веревками, вязать узлы. А она помогает ему в парке: продает билеты и ведет инструктаж на детской трассе. Я не обижаюсь. Мама говорит мне:

— Папа пытается наверстать упущенное, ведь он не знал о существовании Зои.

Мама не в курсе, что я слышала тот их разговор.

А я думаю, папу гложет чувство вины. Красивое выражение — «гложет чувство вины». Я услышала его в одной бабушкиной передаче и иногда использую. Мне кажется, у папы именно оно. Он ведь знал про Зою. Знал, что она есть. Но делал вид, что не знает. Я часто думаю: зачем ему было выбирать? Ну между мной и Зоей? Может, папа думал, что мы с мамой обидимся, если узнаем про Зою? Ну так мы всё равно узнали!

Понятно, что он уже любил мою маму, но ведь мог всё равно встречаться с Зоей — мы могли бы вместе ходить в парк и на дни рождения друг к другу. Нам было бы проще сейчас. А то мы спим с ней в одной комнате, но всё время молчим и прячем глаза. Я боюсь заговорить почему-то. Ну как-то не знаю, о чем говорить. Ведь у нее горе. Про ерунду, наверное, нельзя говорить, а про серьезное я тоже не могу первая начать: мне же всего двенадцать. И ей про мои дела, наверное, неинтересно совсем. Вот если бы мы были знакомы до всего этого!

Однажды я заметила, что Зоя уходит тайком по ночам. Я даже испугалась: а вдруг она вампир? Мы же ничего о ней не знаем! Я стала ее караулить. Но никак не могла дотерпеть до того момента, когда она уходит: всё время засыпала. Утром проснусь совсем рано — ее нет! Потом мама позовет завтракать и — пока я умываюсь, одеваюсь, выхожу в кухню — Зоя уже за столом. А ведь я всю квартиру с утра проверяю! Нет ее! И кроссовок ее нет, и любимой длинной рубашки с карманами!

Я поставила в комнате блюдечко с чесноком и положила под подушку серебряную ложечку, которую мне Инга подарила. Зоя никак не отреагировала. Значит, не вампир. Значит, у нее есть какая-то тайна. И я решила выяснить, что она скрывает.

3

Мы с дедушкой стоим на берегу моря.

В моем левом кармане: два грецких ореха, еще в зеленой кожуре. А в правом — голубое

морское стеклышко, деревяшка и кипарисовая шишка.

— Ты уже совсем взрослая, — вздохнул вдруг дедушка. — А я уже совсем старый, — снова вздохнул он примерно через минуту.

Мне смешно. Никакой он не старый! Он даже вышел на работу, сторожем в музей, и с палками ходит по-прежнему. Я боялась, что он бросит, потому что ходьба будет напоминать ему о бабушке. Но он ходит. Может быть, именно поэтому. Я вот розы выращиваю. Потому что она их любила.

— Ты никуда отсюда не уедешь, да? — спрашиваю я, хотя знаю ответ.

Я бы хотела, чтобы мы жили в одном городе. Я бы забегала к нему каждый день после уроков и Майку бы с собой брала: у нее нет ни одного дедушки. Но он не хочет переезжать. Мы всё это уже обсуждали, но я зачем-то спрашиваю опять.

— Только здесь я и был счастлив, — вновь отвечает он.

Я оборачиваюсь и ищу в зелени наш дом на холме. С тех пор, как дедушка рассказал

историю про своего дядю Гену, этот белоснежный дом всегда мне кажется облитым сметаной. Я знаю, чего боится дедушка, — своей беспомощной старости. Боится, что откажут ноги. Или руки. Или мозги. И никого не будет рядом, чтобы позаботиться о нем.

Вчера он сказал, что хотел бы умереть, как бабушка. И на меня вдруг накатило: я разревелась, хотя уже вроде смогла справиться со всем этим, а тут... Он засуетился и давай варить мне какао...

Потом полночи я думала, как бы мы с ним жили, если бы можно было тут остаться. По утрам я бы пила чай с бутербродами, а может, научилась бы сама печь оладьи и мы бы завтракали вместе. Я бы ходила в свою старую школу, а он бы читал на веранде, решал кроссворды, а после обеда шел бы гулять с палками по берегу моря. Вечером он бы рассказывал мне свои истории, точнее, пересказывал любимые книжки (и не всегда точно, я проверяла). В моей памяти еще стоят те двадцать три дня, когда бабушка лежала в больнице.

